

Революция X

by

Алекс Муров

Алекс Муров

Революция X

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577309

ISBN 9785448398704

Аннотация

Кровавый 1919 год. Тайга. Ватага красных террористов жестоко убивает купеческую семью. Лишь одному из семьи чудом удаётся выжить. Раненый в голову из нагана своим давним другом детства, бывшим крестьянином, а ныне главным революционером, молодой аристократ – Клим Орлов, попадает к лесным тунгусам, которые и спасают его от смерти. Чудом выживший парень влюбляется в молодую шаманку, набирается сил и вступает в банду каторжников, лесных налётчиков, чтобы отомстить ватаге красных убийц.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Революция X

Алекс Муров

*«Это наше прошлое, оно такое, красное,
такое же, как цвет моей крови...»*

© Алекс Муров, 2018

ISBN 978-5-4483-9870-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю данное произведение своим предкам...

Пролог

На улице был поздний вечер. 18-ти летний молодой человек аристократической правильной внешности, сидел на коленях и смотрел через разбитые очки в пустоту. В его взгляде было чувство полной обречённости. Он весь в нервном трясении. Пульс барабанил двести в минуту. Вся одежда на нём изорвана, он испачкан красным, по его губе стекала струйка алой крови и капала на землю. Над ним стоял главный идейный боец красной армии с револьвером в руке, нацеленным на его голову. Напротив них полыхает в огне двухэтажный особняк. Идёт дождь. Мужчина с оружием тихо давит пальцем на курок, со словами:

– Во славу великой революции!

Происходит выстрел. Брызжет кровь. Пуля пробивает висок молодому человеку.

Глава 1

1908 год.

Мальчишка в белом чистом костюме, с родинкой на левой щеке и зачёсанными через пробор тёмными волосами, качался на качелях большой мощной яблони, единственным деревом в сухом поле, недалеко от его родной таежной деревни – Орловки. Мальчик читал книжку известного автора Джека Лондона. На ногах у мальчика блестят кожаные ботиночки. Светит яркое июньское солнце. Увлечённого чтением, мальчишку, перебил появившийся из ниоткуда его сверстник, с мешком на спине, белобрысый, разутый, весь грязный, одетый в лохмотья. Крестьянский сын остановился и уставившись на него, спросил:

– Я тебя кажется знаю... Ты сын купца Орлова, тебя ведь Клим зовут!

Мальчик убрал от лица книгу в сторону и взглянул на оборванца.

– Да... Я Клим... Сын хозяина этой деревеньки! А ты кто таков?

– А я Фёдор Птахин, но все зовут меня просто Птаха!

– Дай угадаю... Сын какого-нибудь батрака!

– Мой отец пахарь... – обиженно произнёс Птаха.

– Один чёрт!

– То есть он был им пару недель назад, пока не лишился

правой руки, без которой он уже не сможет работать...

– Грустно... Соболезную!

– Спасибо, но лучше не надо... Что читаешь? Про что?

– Про золото, природу... Про индейцев!

– Кто такие?

– Вроде наших тунгусов... Народ дикий, не образованный, как звери, в лесу обитают.

– Интересно?

– Очень! – мальчик спрыгивает с качелей. – Ты любишь читать?

– Я не умею... – опустив глаза, сказал Фёдор.

– А что у тебя в мешке?

– Ничего...

– Дай посмотреть! – говорит Клим и пытается отобрать мешок у парня.

– Не дам!

– А ну-ка дай! – мальчик вырвал мешок из объятий Птахи и когда он его раскрыл, из мешка вылетели три чёрных ворона.

– Что ты наделал? Гад?

Клим засмеялся, увидев, как вороны улетають прочь.

– Мне было так трудно их поймать! – чуть не плача, проносит Птахин.

– Ничего, ещё наловишь! Подумаешь сегодня без ужина останешься! И вообще, тебе лучше стать вегетарианцем...

– Кем? – конечно, оборванец слышал это слово впервые.

– Вегетарианцем... Траву можешь себе нарвать домой... Чем не харч? По-моему очень даже...

– Правильно сказал отец, все вы анафемы! Всё ваше семейство! И твой отец, и твой дед, буржуи! – плюнул в сторону мальчик. – Народ эксплуатируете!

– Замолчи! Так должно быть! Одни повелевают, другие исполняют!

– Да пошёл ты! – отвернулся Фёдор.

– Знаешь что... Я хочу яблоко. А мне не достать...

– И чего?

– Сорви для меня одно, вон с той ветки... – указывает рукой Клим на нужный ему плод. – Залезть на дерево надо, давай лезь, я хочу!

– Ещё чего, не буду!

– Будешь! Я твой хозяин! Здесь всё моё! Земля Велико Русская! Трава! Деревья! Яблоня, яблоки на ней! Качели! Твой отец, твоя матушка! И ты Пташенька, мой тоже!

– Что? – возмутился бродяга.

– Да да! Ты тоже мой! И не спорь!

– Да я тебе шас все зубы выбью, чёрт веревочный!

Оборванец накинулся на Клима, ударил его по лицу кулаком. Тот ответил ему тем же. Оба упали, хватая друг друга за шеи. Клим, оказавшись верхом на сыне крестьянина, говорит, сжимая руками его тонкую детскую шею:

– Так нельзя с хозяином, деревенщина! Ты должен делать всё, что я тебе скажу! Понял?

Фёдор вырывается и теперь его руки больно и яростно сжимают шею Клима. Лицо у мальчика побагровело. Птахин говорит ему:

– Я не раб тебе! Я убью тебя пёс, и всем станет только лучше! От вас все беды! От кулаков! Помещиков! Ненавижу вас каши! Вырасту – рвать буду!

Вдруг прогремел выстрел из револьвера и на голову Фёдора упало яблоко. Фёдор оглянулся. На него шёл высокий тёмный парень с чёрной повязкой через левый глаз, в белой рубаше, расстёгнутой на груди. В руке у него револьвер. Парень выстрелил по яблоне снова. Ещё один яблочок упал на ребят. Выстрелил третий раз, четвёртый и каждый раз пуля из револьвера незнакомца попадала точно по ветке с яблоком. Незнакомец подошёл к парням и сказал:

– Ну хватит! Слезь с него, жиган! И ты вставай, сын буржуя!

Ошарашенный Фёдор отпустил и слез с Клима. Оба встали и уставились на стрелка.

– Откуда револьвер взял, одноглазый демон! Тятка на совершеннолетие подарил эту игрушку Люцифера? – спросил, сощулив глаза, Птах.

– Ты о чём? Какой тятка? – спросил у него Клим.

– Бандит, разбойник каторжный... А это его сын Кай, такой же чёрт растёт рогатый!

Кай ослепительно улыбнулся и ответил с зубочисткой в зубах:

– Ну бандит... Ну разбойник, какая к чёрту разница, а? Белобрысая твоя голова со вшами? – парень направляет на него револьвер. – Хоть сын крестьянина и работяги, бедный, грязный... – переводит дуло оружия на Клима. – Хоть сын купца, богатый... Чистый... Что с того? Вся суть только вот в этом! Как ты сказал, в игрушке Люцифера! Почему, знаешь?

Ребята испугались. По ним пробежал холодок. Кай направляет револьвер дулом в небо и заканчивает:

– Да потому, что когда направляешь этот сей предмет на человека, кто он есть на этом свете, становится уже не важно! Потому что перед смертью с косой все равные! Ей наплевать, кто есть кто! Она будет косить любого!

Он давит на курок и палит в небо. Мальчики зажали уши руками. Выпалив все пули, довольный Кай опустил оружие и убрал его за пояс.

– Простая истина... – произнёс он с зубочисткой во рту.

Неожиданно земля под ногами ребят затряслась и подул сильный ветер.

– Что это? – испуганно сказал Фёдор.

Ребята упали на землю, кроме Кая, который кое-как устоял. Небо поменялось в цвете. Оно стало ярко-алым. Раздался сильный и мощный удар, похожий на удар молнии, но ещё сильнее.

– Конец мира! – так же испуганно сказал Клим.

Раскаты грома были видны троице вдаль за лесом. И это

не смотря на безоблачное небо и впрямь было похоже на апокалипсис.

– Я читал у бабушки библию! Там было написано про то, как земля и все дела на ней сгорят, Сатана спустится на землю и суд будет...

– Ну коли так, братья дорогие... В ад добро пожаловать... – произнёс Кай.

Все трое парней застыли, глядя расширенными от страха, зрачками на ярко-красное небо, словно при извержении вулкана.

Клим открыл глаза. От воспоминания из его далёкого детства не осталось и следа. Он сидел на уроке, одетый по форме, в большом помещении городской гимназии, вместе с другими ребятами. В руках у него учебник. Учитель «Закона божьего» – длинноволосый седой священник, в рясе, читал гимназистам лекцию о грехе и ходил вдоль парт, держа в руках книгу.

– Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. – говорил священник ученикам. – А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

Клим Орлов стал высоким, статным, с внешностью, вполне идеальной для прекрасной женской половины. На его глазах очки в тонкой оправе. Удостоверившись, что священник не смотрит в их сторону, ребята с задней парты, толкнули

Клима в бок. Молодой человек обернулся:

– Чё надо? – спросил он.

– Смотри! – сказал ему рябой худенький мальчик с оттопыренными ушами и передал в руки фотоснимок.

– Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. – продолжал поп читать наизусть заповеди Христа. – А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём.

Орлов взял в руки карточку, повернулся к себе и взглянул на её изображение. Молодая женщина с повязкой на глазах, с голой грудью и приподнятой юбкой стояла на коленях, держа в руках плётку. Спина её была вся расцарапана. Клим смотрел на девушку и не мог оторвать от её изгибов взгляда. Но тут его перебивает священник, подкравшийся сзади. Он отнимает у мальчика карточку, мельком заглядывает на неё и говорит Орлову:

– Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну. И если правая рука твоя соблазняет тебя... – как только святой отец произнёс эти слова из заповеди, вся ученики в классе громко засмеялись. – Отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну... Орлов, вы чем на моих уроках занимаетесь... Разглядываете голых девиц с открыток... Как не хорошо... Как не хорошо...

– Но ведь это красиво. – произнёс смущённый Клим.

– Это гадость! Ничего в этих безсормных бабах красивого нет и быть не может! – сказал поп и разорвал в клочья фотокарточку.

– Чёрт.. – тихо произнёс рябой мальчик с оттопыренными ушами. – Я за неё пятак выложил...

Шёл великий 1919-ый год.

После занятий и обеда, Клим со своим другом, сыном предпринимателя, полненьким высоким парнем, по имени Василий, любили шататься по городским улицам.

Оба парня одеты по форме в синие сюртуки. Уже вечерело и на улице было почти безлюдно. Чаще других, на пути им встречались лишь не большие группы большевиков, снующие по городу. Василий поедал на ходу большую маковую булку.

– Ты веришь в Бога?

– Не очень...

– А во что веришь? Как думаешь, что с нами будет, когда мы умрём и всё такое...

– Ну в рай и ад, о котором нам твердят в школе, я точно не верю... Нет этого ничего! Есть возможно другой мир, но не тот, о котором говорится в библии.

– Не понял, так во что ты веришь?

– Я верю, что после смерти перейду в другое состояние, и себя прошлого уже не вспомню! Ну может только иногда

буду вспоминать...

– А конкретнее! Как это я себя не вспомню?

– Ну а ты помнишь, когда у матери своей в животе появился? Ты помнишь себя маленьким в 3, в 4 года? Не помнишь ты эти состояния, я уж не говорю о том, что ты не сможешь вспомнить о том, что когда то был просто маленьким ничтожным семенем...

– Тоже мне философ... Слушай, а ты кем думаешь стать, когда мы наконец окончим эту ненавистную школу? – спросил Васька друга.

– Ну я ещё не определился... Наверное стану писателем!

– Это ты правильно решил... Возможно, у тебя получится, друг!

– Ну а ты? Кем мечтаешь?

– За меня уже всё решено... Мой папа хочет, чтобы я был как он и его дед, военным, носил форму, ходил с оружием, жил по уставу...

– Жить по уставу скучно... Скучно и серо! Мне всегда нравилось рисковать! Знаешь, в раннем детстве, я жил очень закрытым от внешнего мира мальчиком, родители редко меня отпускали одного гулять в деревне... Однажды, я, мои детские товарищи, Птаха и Кай сбежали в тайгу... Там такая природа... Магия! Меня родители три дня искали по лесам, а когда нашли, отец меня выпорол, а мама долго плакала... Единственным, кто меня всегда во всём понимал, это мой дед Серафим, он сейчас болеет, ни с кем из родни не обща-

ется...

– Понравилось тебе в дикой тайге?

– Очень... Если у меня и получится стать писателем, я только и буду, что писать о ней... Она меня манит и манит неудержимо... Как магнит!

Происходит выстрел. Ребята обернулись. Выстрел повторился. Любопытные Клим и Вася, поспешили в сквер, откуда были слышны выстрелы. Осторожно выглянув, Клим увидел толстого увальня, валяющегося на асфальте и обливающегося кровью, а над ним двоих красных бойцов с фуражками на головах и в тельняшках. В руках у обоих бойцов, винтовки.

– Что там? – спросил Василий у Клина.

– Пойду посмотрю...

– Не надо... Уйдём отсюда! Слышь!

Но любопытного Клина было не остановить, он уже двинулся в сторону происшествия.

– Вечно тебе всё надо... – нервно поёрзав на месте, Василий ринулся за другом.

Клим подошёл к человеку, который лежал на земле и остановился над ним. Бойцы недобро взглянули на него. Раненый в живот, захлёбываясь кровью, мужчина в круглых очочках, произнёс, еле выдавливая из себя каждую букву:

– Воды... Глоток... Воды...

– Ему пить кажись хочется... – произнёс Клим, посмотрев на двух бойцов.

– А больше ему ничего не хочется. – сказал, посмеиваясь, усатый боец красной армии. – Серной кислоты может быть достать! А? Наел рожу, падла!

– Ему надо принести воды. Он просит...

– Воды... Воды... Дайте воды... – монотонно молил умирающий.

– Плевать мне, что этот буржуйский пентюх там просит, иди своей дорогой, пацан!

– Буржуйский, не буржуйский, а всё же человек... Такой же, как и ты и твой товарищ... Добрее надо к людям быть!

– Клим, пошли отсюда, а? – произнёс сзади Василий.

– Зовут тебя, катись! Не зли меня! – рявкнул усатый.

– Человек умирает, а вы ведёте себя, как животные... – повышает голос Клим.

– Слышь, ты чё сказал? – красноармеец скособочил лицо от злости. – Шкура! – и ударил рукояткой своей винтовки Клина в лицо.

После инцидента с большевиками, который закончился для Орлова разбитым носом, парень прошёл в туалет общежития и нагнулся над раковиной. Включил воду и принялся смывать кровь с разбитого лица. Взглянул в зеркало: глаз был чуть подбит, синееет вокруг, губа слегка разбита, из носа только продолжала литься алая густая кровь. В туалет забегают ушастый рябой одноклассник и говорит ему:

– Тебе родитель твой телеграмму прислал, просят приехать домой... Что-то серьёзное...

– Просят приехать, говоришь... – закрывает кран Клим.

– А что это у тебя, как у панды, глаз один синий...

– Ерунда... Пустяк!

– Быдло какое наградило?

Через пару дней, Орлов собрал свои вещички в чемодан и благополучно покинул гимназию, сев на поезд, битком забитый людьми. Все они спешили уехать, понабрав с собой чемоданов и сумок со своим добром. На вокзале творилось что-то невероятное. Давка. Брань и суматоха.

Всю дорогу, молодой человек смотрел в окно поезда и любовался природой своей Родины. Перед ним стремительно пролетали леса и поля.

– Куда едете молодой человек? – спросил у него сидящий напротив, сосед по вагону, сидящий мужчина с остренькой белой бородкой.

– Домой... – говорит парень.

– Счастливый вы... – мужчина надевает пенсне на нос и становится похож на сову. – А у меня... К сожалению... Дома больше нет. И не будет в России... Эту страну прокляли. Я бегу... Все куда то бегут, друг друга убивают, трупы... Трупы... Трупы! Горы трупов! – заводится мужчина так, что слюна вылетает у него изо рта. – Что только большевики не вытворяли и не вытворяют и по сей день... И наполоам людей распиливают, и глаза выкалывают и живьём

кожу сдирают...

Клим задвигал бровями, густыми и слегка изогнутыми, глаза его скосились на переносице. Сильный подбородок стал подрагивать.

– Неужто так бесчинствуют? – спросил он.

– Я работал в газете, человек я крайне образованный. И знаю что говорю. Сам видел, какие зверства творят не до человеки из красных, да и из белых рядов тоже... Что с Россией гражданская война делает... К чему она народ приведёт...

– Всё будет нормально, жертвы прекратятся, это должно произойти...

– Механизм революции запущен молодой человек и вряд ли в ближайшее время всё успокоится.

Клим и его сосед по вагону на время замолчали. Тишина продолжалась до тех пор, пока её снова не оборвал мужчина с серой бородкой:

– А знаете, карий глазок, я полагаю, что эта Революция вполне нужна нашему государству... И вся эта кровь, эти убийства, трупы, трупы, трупы, горы трупов! – на этих словах мужчина снова заводится.

Клим смотрит на своего собеседника, как на сумасшедшего. А тот продолжал свою философскую теорию, выпучив глаза:

– Все эти жертвы могут быть и благом для общества...

– Утопия какая-то... Объясните, каким образом?

– Понимаете, как жертвоприношение...

– Не понимаю.

– Иначе народ может погибнуть целиком и полностью...

Знаете, это как если надувать воздушный шар всё больше и больше, отчего он лопнет...

– Интересная у вас философия! – Клим встаёт со своего места, берёт в руки сумку и идёт на выход.

Локомотив останавливается. Клим выходит из поезда один и идёт бодрым шагом через поле, напрямик к родительскому дому. Яркое майское солнце сияет ему в след. Из под расстёгнутой рубашки, на груди блестит его крест из золота.

После полудня парень вошёл в Орловку. Он топал по деревне и смотрел по сторонам. В деревне этой от силы домов двадцать, кабак, церковь с колокольной каменная, кладбище, а вокруг – леса тайги.

Когда парень шёл мимо старого деревянного домишки, на ступеньках ему повстречался дряхлый одноногий дед, покуривавший трубку, в синих домотканых портках и рваной рубаше. Клим махнул ему рукой и подошёл.

– Здоров, дедка Варфоломей, ты всё живой... Уж век второй тут коротаешь!

– Слава Христу, живой пока шо... Я тебя и не узнал сначала, сукин ты сын, возмужал как... А ты чего из городу ворочился? Выгнали что ль из гимназии?

– Мамашка попросила приехать... – почесал подбородок парень. – Разговор у неё ко мне есть...

– Ну ну... А про отца слышал?

– А что с ним?

– Вiniще каждый вечер жрёт он вместе со священником... Пропадает!

– Ну а вы как живёте здесь? – Клим сменил тему потому, что ему было стыдно за отца. – И что тут тихо, как на кладбище? Куда все подевались! Фёдка где? На печи лежит наверно, валандай? На счёт Кая, знаю, парень в золотоискатели подался, а в прошлом году его на каторгу сослали, кого-то там пришить успел... Мать писала мне!

– Да да... Тунгусу таёжному горло покрамсал ножом. Бандюган и только, что взять, весь род у них такой, душегубы... Ну а Фёдор... – дед подозрительно взглянул на юношу, затянувшись табачным дымом. – Фёдор в городе, как и все наши молодые... Уехал после смерти отца, царство ему небесное... Языки поговаривали, в партизанском отряде служит... Сразу уехал после всего, что случилось с отцом и хатой его.

– Стало быть с большевиками снюхался...

– Стало быть, а там не знаю... Поговаривали...

– Ну ладно дед, пойду я!

– Удачи... – и когда парень устремился к дому, промолвил тихо. – Чёртов сын... Кровопийцы...

Климу встретила сгорбившаяся маленькая старуха с вёдрами, ковылявшая к колодцу.

– Здравствуй, бабушка... – парень почесал голову, вспо-

миная имя морщинистой старухи.

Старуха обернулась на него и произнесла:

– Клим... Здравствуй сынок... Вот не задача!

– В чём дело?

– Вёдра у меня пустые! Не хорошо это!

– А что?

– Примета плохая! Беде быть!

Глава 2

Ватага красноармейцев с ружьями, на лошадях двигала в сторону Орловки. Молодцы пели все вместе:

– Белая армия чёрный барон

Снова готовит нам царский трон,

Но от тайги до британских морей

Красная армия всех сильнее!

Так пусть же красная сжимает властно

Свой штык мозолистой рукой,

И все должны мы неудержимо

Идти за родину на бой!

В ватаге, первым и главным человеком был Фёдор Птаха. На нём – кожаная американская куртка, за жёлтым ремнём виднеется – револьвер. Добрая половина его отряда состояла из молодых крестьянских парней, сотников и десятников, а вот остальная часть из кержаков – бородачей, среди которых, был уродливый горбун с чёрными как сажа, зубами, по имени Платон.

Фёдор остановился, спрыгнул со своего коня и спустился с ним к речке. Его отряд из тринадцати партизан последовал его примеру. Он, молодой, возмужавший мужчина со шрамом на брови, с бритой головой, нагнулся и стал умывать ледяной водой из реки своё лицо. Его конь стоял рядом и жадно пил. К Фёдору подходит горбун не высокого росточка

с большими безумными серыми глазами и говорит:

– Нервничаешь башка бритая? – улыбается гнилыми зубами горбун.

– С чего мне?

– В деревеньку, в которой ты родился и вырос... Путь всё-таки держим. Порядок наводить! Новую Власть ставить!

– Радуюсь. – произносит мрачный Фёдор, глядя в воду и увидев сома.

– Радуюсь?

– Радуюсь, что мне вздрючить старого знакомого купца скоро посчастливится... Я из его черепа сувенир себе сделаю... – достаёт он револьвер и направив его дуло на сома в воде, прищуривает глаз. – Буду квас из него пить!

– А ты людишек вообще много раздавить успел, а? Парни говорили, ты просто сущий дьявол, за это они с тобой хоть в ад! Тебя все уважают! Сколько кончил человек?

– Кого успел все мои!

– И я уже не раз убивывал... Если быть точнее, семь человек успел на тот свет приставить! Мало, знаю... Слушай, Фёдор... Ещё в ватаге ходят слухи про батьку твоего, что ты...

– Про меня много чего говорят...

Горбун смеётся. Фёдор спускает курок. Раздаётся громкий выстрел.

Клим поднялся на крыльцо двухэтажного дома и постучал в дверь. Рядом с особняком Орловых, домом первым

на деревне – большой палисадник. Открыла двери парню его мать – Настасья Кирилловна. Женщина очень видная и мо-
ложавая, не смотря на свой возраст, в чёрной кофте, чёрной
кичке, как монахиня. Герой зашёл в дом.

– Здравствуй ма... – произнёс, улыбаясь парень.

Увидев сына, женщина, перекрестив его, бросилась обни-
мать и целовать.

– Какой ты у меня стал сыночек... Плечистый! – но улыбка
вмиг стирается с её лица, когда она замечает на лице Кли-
ма синяк. – Подожди сын, подожди, а чего это у тебя с лицом
твоим?

– Не обращай внимание, боксом с одноклассниками зани-
мался... Ну перестарался немножко.

Подошёл отец Назар. Низкий ростом, плотный, мощный,
в синей рубаше, с чёрной бородой. Кисти рук у него толстые.
На одном из пальцев правой руки —золотой перстень. Под
глазами у Назара мешки, а сами глаза стеклянные и красные,
будто от постоянной бессонницы. Поглядели друг на друга
отец с сыном. Долго решались друг друга обнять. Отноше-
ния у них были сложнее, чем у Клим с матушкой.

– Ну здравствуй, выюнош...

– Ну здравствуй, тятка... – всё таки обнялись отец с сы-
ном. – Ух, от тебя и винищем пахнет... – говорит Клим, от-
пуская из своих объятий отца.

– Ты чего не отписал, когда прибудешь, встретил бы...

– Да не, зачем мне? Чё вас беспокоить? Ноги есть.

С лестницы второго этажа спустились к нему младшая сестра Верочка пятнадцати лет, высокая и упругая, с большими серыми глазами и косами на спине, а вместе с нею старший брат Лука, двухметровый детина, здоровенный и слегка полный, похожий на медведя. Все по очереди обнимали гостя.

– Соскучился я по вам род Орловых... – говорит Клим, обнимая сестру. – А где дед Серафим?

– Слёг дед Серафим... – говорит матушка. – Лежит хвораёт в своей комнате...

– А что с ним было?

– Инсульт, ни говорить, ни есть путём не может, такие дела.

Отец Назар сел за большой стол и налил из графина себе в рюмку водку. Вера и Лука сели с ним рядом.

Клим отправился в комнату дедушки на втором этаже. Зашёл внутрь и закрыл дверь. Дед Серафим, сухой, в позеленевшей бороде, лежал на кровати, укрытый ситцевым одеялом. Внук подошёл, взглянул на деда, подвинул стул к кровати и присел рядом. Молодой человек долго в тишине смотрел на старца. Его губы прошептали:

– Здравствуй дед.

Древний Серафим открыл глаза и посмотрел на внука. Он не мог ничего ему ответить и лишь слегка моргнул в знак приветствия. Клим улыбнулся.

После, Орлов прошёл в свою комнату, чтобы переодеться

и распаковать свой чемодан. Когда он бросил его на диван и стал из него вынимать свои пожитки, к нему зашла Настасья Кирилловна.

— Какой красавец... Весь в Серафима молодого пошёл. — любовно смотрела на Клима матушка. — Девоч много в городе испортил?

— Перестань, ма... Я не люблю об этом говорить! Ну как у вас дела здесь? Отец что-то не важно выглядит...

— Пьёт батяня твой, переживает, что придут за ним и расстреляют... — мать заплакала. — Плохо дела у нас, думаем уехать... Сны плохие сняться мне, каждую ночь просыпаюсь в ледяном поту, извелась вся. Я потому тебе и написала, чтоб приехал...

— Уехать? Куда? — присел на кровати от неожиданной вести, парень.

— В Луганск, к сестре моей... Там одно время поживём, а дальше видно будет.

— А как же учёба моя, гимназия?

— Да какая уж теперь гимназия, не время учиться милый, время выживать. А там время покажет, но здесь оставаться становится опасно... Однозначно...

— А куда дедушку немощного денем?

— С собой возьмём. Здесь его оставить не с кем... Отец твой вроде хочет и не хочет уезжать, не может он смириться с тем, что бросит он богатство то своё. Не хочет с чистого листа всё начинать... Переодевайся, да спускайся ужинать.

На первом этаже особняка, всё семейство Орловых ужинали, кроме главы семьи – Назара, который предпочёл вместо гороха с курицей, водку на лимонных корках. На столе стояла бутылка красного вина, но её никто не открыл. Мрачный чернобородый батёк сидел в обитом плюшем, кресле, не выпуская рюмку из руки.

– Э-э-э-эх... Скучно... – сказал он, встал из-за стола и включил проигрыватель.

Громко заиграла гармонь. Клим взглянул на мать, та грустно посмотрела на него. Еда встала комом в горле парня.

– Хорошо, что хоть батюшка не ровен час заглянет к нам на огонёк... – произнёс Назар.

– Будет тебе пить отец... – нервно бросил Клим ложку в тарелке, рассыпав в стороны горошины. – Ты что, не видишь, мать переживает!

– Ты чего лезешь, куда тебя не просят! Мал ещё, отцу как жить советовать...

Вера и Лука с матушкой испуганно сидели и молчали, наблюдая за отцом и сыном.

– Мал, не спорю, но ты посмотри на себя, посмотри в зеркало, тебе нет и пятидесяти, а ты уже на все семьдесят, со своими запоями выглядишь...

– Замолч! – ударил по столу Назар. – Бредкий я смотрю какой!

– А чего ты мне рот то затыкаешь... Правда глаза колит?

– Ты чего сюда приехал, отца своего учить? А? Если так, езжай обратно в свою гимназию! Хотя сейчас!

– И уехал бы, как и всегда делаю, лишь бы подальше отсюда от тебя! От твоего эгоизма и пьянства!

– Что ты знаешь, щенок... Что ты знаешь... Я пью, потому, что делу моему швах, потому что, власть свою мы все просрали...

– Потому и просрали власть, такие горе капиталисты, потому, что жили, лишь бы брюхо своё набить икрой чёрной, залить всё это дело дорогим шампанским и царствовать, кровопийцы, гордо подняв голову, втоптывать народ в грязь, когда он тотально подыхает с голодухи!

– Я что-то не понимаю сын... – более спокойно обратился к сыну Назар. – Ты к чему клонишь, ты что, колоброд, за Революцию?

– Я за порядок и справедливость... Не за кровь, не за красных, как ты мог подумать... Нам разруха не нужна, хотя всё к этому скатилось, но я лишь только хотел тебе сказать папа, что наша сторона тоже виновата во всей этой чехарде, что происходит на данный момент в России!

– А ты другим стал... Орёл... Как я погляжу, умён не по годам!

– Всё из-за жадности... Алчности... Ты потому и дом этот покинуть не можешь, хотя матушка тебя уговаривает уехать, она чувствует, что этот твой шикарный двухэтажный особняк вполне может стать в скором времени братской могилой

для всех нас. А для тебя дороже богатства ничего нет, даже мы для тебя стоим намного дешевле!

Клим скинул с шеи платок и бросил на стол.

– Я подышать свежим воздухом... – сказал он и вышел из-за стола.

Разъярённый Назар встал за ним следом, пошатываясь и хватаясь за стол.

Клим, накинув пиджак и схватив со стола закрытую бутылку красного вина, произнёс ему:

– Ты чего вздумал, тять? Со мною силой помериться? – насмеялся парень. – Пить меньше надо, ты на ногах то еле стоишь, старик! Что ты можешь...

Отец Клима грузно сел обратно за стол и налил себе в рюмку водку до краёв. Парень подошёл к двери, в которую только что позвонили. Он открыл дверь и увидел местного святого отца Владимира, друга и собутыльника его отца.

– Здравствуй Клим... – произнёс батюшка и зашёл в дом.

– Здравсте, святой отец...

Когда Клим громко хлопнул за собой дверью, отец Клима осушил стопку и громко поставил её на стол, сверкая глазами по сторонам.

Вечерело. Орлов шёл по улице деревни и глушил из горла красное вино. На глаза ему попала светленькая молодая девушка, восемнадцати лет, которая стояла напротив повозки с чемоданами у дороги. Клим поспешил подойти к ней.

– Привет, Варвара...

– Клим? – удивлённо произнесла она своими алыми губами. Это ты?

– Да вроде я. – слегка улыбнулся парень.

– Как ты вырос... Как возмужал!

– Ты тоже! – парень посмотрел на грудь девушки. – Изменилась с начальной школы!

– Да уж... Цвету, как роза!

– А ты чего тут? – посмотрел на чемоданы парень.

– Я? Гуляю... Мы через пару часов уедем отсюда со всем имуществом... Папочка решил вздремнуть перед дорогой, как проснётся, едем...

– Уедете? Куда?

– В Крым, у папы там брат.

– И вы значит бежите. – парень отхлебнул из горла вино.

– То есть бежим?

– Сейчас все куда-то бегут, одни всё бросают и убегают, другие убивают...

– Ты тоже уедешь? Ты ведь за этим приехал сюда из города?

– Уеду... Не знаю только когда... Слушай, пойдём прогуляемся... Помнишь дуб, к которому мы ходили, когда были очень маленькими?

– Конечно помню..

И двое молодых отправились к старому дереву. Они шли медленным шагом и болтали о прошлом.

– Как поживает твоя семья, мне Верка говорила, что тятка твой спивается, а мать с ума сходит?

– Так и есть... Ненавижу я его!

– Отца?

– Отца... Не хороший он человек! Всю жизнь только о себе думал. Дедушка мой не таким был, он о народе думал, при нём крестьяне жили хорошо, он и работой их не изводил, да и платил исправно. Иногда мне кажется, что я не сын своих родителей. Я ведь совсем другой...

– Девушка у тебя в городе была?

– Там было некогда романы заводить... В гимназии расслабляться не давали!

– Знаешь, а ведь я тебя любила, когда была маленькой.

– А я думал, тебе нравится Кай.

– У него красивое лицо, несмотря на повязку, как у пирата, но он дикарь, он любит золото больше всего на свете, он намного старше меня!

– А Федька Птаха?

– Фёдор злой... Иногда мне казалось, что он ненавидит всё, что его окружает, весь мир, нет, я его всегда боялась... Тёмный человек... Тёмный и сумасшедший! А ты мне нравился, я даже рисовать тебя пыталась на бумаге, только у меня не очень хорошо получалось.

– А сейчас? – парень останавливается около здоровенного дуба у леса.

– Что сейчас?

– Сейчас я тебе нравлюсь?

– Нравишься... – говорит девушка и отводит взгляд.

– Хочешь? – протягивает бутылку Варе, парень.

Девушка молча взяла её в руки и сделала большой глоток.

Слега подвыпивший Клим смотрел на девушку с нарастающим желанием ею овладеть. Всё в ней его возбуждало. Её волосы. Её глаза и точёная фигура.

– Но ты уехал, и мне пришлось тебя забыть.

– Но теперь я здесь, может вспомнишь, что ко мне чувствовала?

Глава 3

Фёдор был мрачен, гордо откинувшись, въезжая на чёрном коне в Орловку. Копыта его благородного коня резво шагали по жирному сибирскому чернозёму. Вокруг было тихо, лишь собака залаяла, увидев, проезжавшую по деревне ватагу красных. В это время начинало стремительно темнеть.

– Ну, демоны террора! Деревня наша! – кричит он не оборачиваясь назад, следовавшим за ним ребятам из отряда. – Как сказал наш батюшка Ленин, России нужен красный террор, и это верно, а иначе... Иначе мы проиграем! Эти кровососы буржуи заслуживают самой суровой смерти! Самой жестокой расправы! Они долго сосали у нас и наших предков кровь! Пора отплатить им за это! Не нужно жалеть женщин, пожилых людей и даже детей! Нужна красная кровавая чистка, и наплевать, кто может встать у нас на пути! Какой у него возраст и пол! Всё равно! Это враг! Чистый враг! А врагу полагается смерть... – Птаха на своём коне, поворачивается к слушавшим его, людям и продолжает. – Только безжалостный, красный террор! Только так мы спасём землю Русскую и только так мы добьёмся победы!

– С кого начнём? – спросил горбун Платон.

– Начнём с Орловых! – сплюнул на землю Птаха и повернулся спиной к ватаге. – Давненько мечтал к ним заглянуть!

А Клим тем временем развлекался с Варей у старого дуба. Он прижал девушку к дереву, начал целовать и гладить её тело.

Варвара задрожала:

– Стой... – сказала она, отрываясь от объятий парня. – Однако, какой ты охальник! Не хорошо мы делаем! Не хорошо!

– Почему это? Раздевайся, и нам будет очень хорошо! Это самое естественное, что есть на свете...

– Нельзя до свадьбы... Нельзя, ты что?

– Да ладно... Почему нельзя? Да выкинь ты из головы всю эту дурь от бабушек и матушек, о женидьбе, о чести! Ты же не монашка?

Варя смотрела на Клим, её глаза стали мокрыми. Девушка обняла его.

– Ты же не собираешься ею стать?

– Нет...

– Ну не ломайся!

– Я просто... Просто... Я боюсь...

– А ты не бойся! – парень начал расстёгивать пуговицы её платья. – Мне ребята из гимназии рассказали, делать чё как надо... Вот увидишь, легко будет...

– Ты только сделай так, чтобы брюхатая я потом не ходила...

– Не волнуйся!

В доме Орловых, застолье шло полным ходом. Назар вместе с батюшкой пили водку и закусывали квашеной капустой. Угрюмая Настасья Кирилловна тихо сидела в углу комнаты в кресле-качалке и вышивала спицами свитер для своего любимого сына – Клим.

– Болею я отец... Болею жутко... – говорил Назар попу, схватившись за голову. – Что делать не знаю, мочи нет...

– Что болит то у тебя, Назар?

– Всё болит! – провёл рукой по глотке шеи. – Ноги отекают, кружится белый свет перед глазами, но главное... Главное – сердце! Вот что покоя мне не даёт, ни спать, ни есть не могу!

– Не сердце у тебя болит Назар, душа значит у тебя хвораёт!

– Что с нами будет, а? Почему так всё повернулось? Против нас? Что эти чёртовы большевики с Россией делают? Плохо ведь, всё только хуже делается! Господь твой наказал нас всех! Господь! – Назар понизил голос и наклонился к нему, чтобы жена не слышала. – Вот жена говорит – уезжать, а как можно, как можно здесь всё оставить, с голым задом остаться... Ведь всё разграбят красножопые! Всё заберут! А этот дом мне батя родный завещал, и я хочу остаться здесь, и эмигрировать тем боле не хочу, я хочу остаться здесь, в России, в этом доме, и умереть... Умереть на своей земле... А не на чужбине, скитальцем, нищим эмигрантом!

– Ну може ещё не всё потеряно. Чего ты нюни распу-

стиль? А?

– Да не знаю... Поглядим, поглядим, что будет... Ну что, святой отец, накатим по одной за Россию матушку?

– Вот это можно... – почесал поп седую длинную бороду. – Спаси сохрани... – произнёс он и перекрестился, а после, перекрестил и Назара. – Дай же Бог не последний...

И как только Назар наклонил бутылку над рюмкой батюшки, двери его дома громко распахнулись от мощного сапога Фёдора Птахи. Красный главарь с гордо поднятой головой вошёл в дом. Назар, уставившись на него, даже бутылку не поднял, застыв на одном месте, наполнив рюмку до краёв и проливая водку на стол. Вся ватага Птахи была внутри поместья Орловых. Все они вооружены. У кого в руке наган, у кого винтовка, топор или сабля.

– Грабить пришли? – произнесла напуганная Настасья Кирилловна.

– Что вам нужно, бандиты, золото? – спросил Назар. Его лицо исказила страх и злоба.

– Чего молчишь Фёдор? Зачем пожаловали, антихристовы дети? – присоединился святой отец.

Из глаз Фёдора брызнули чёрные искры. Он достаёт наган.

– Золото оставь себе, игемон! Мы пришли за справедливостью!

В этот момент на лестницу, ведущую со второго этажа выбегает старший сын Лука, с ружьём в руке. И как только он нацеливается на Фёдора, тот направляет на него свой наган

и стреляет первым, продырявив его плотный живот, свинцовой пулей. На белой рубашке парня образовывается красное кровавое пятно. Лука падает и кубарем скатывается по лестнице. Бутылка у Назара падает и разбивается. Настасья Кирилловна встаёт с качалки и кричит что есть мочи, впадая в безумие, при виде убийства своего старшего сына.

– Убийцы! Убийцы! – кричит она.

Горбун нацеливает на неё винтовку и стреляет ей в грудь, после чего она отлетает в сторону и падает замертво, прекратив свой крик.

– Царство небесное... – перекрестился поп.

Услышав шум и выстрелы, пятнадцатилетняя Верочка со второго этажа, закрылась в своей комнате на щеколду и легла под одеяло на кровать. Её девичьи ангельские глазки забегали в страхе по сторонам.

А Клим с Варварой занимались в парке у старого дуба самым интимным и приятным для них делом. На небе сияет луна. Девушка с приподнятым платьем, уперлась руками о дерево, а парень со спущенными штанами, двигался в ней в резвом и настойчивом ритме. Когда Варвара громко вскрикнула на всю округу, парень остановился.

В доме Орловых продолжал накаляться градус насилия.

– Язви тебя, дьявол! – произнёс Отец Владимир. – Ты чего наделал! А ну-ка, ну-ка убери свою сатанинскую игрушку и прикажи своим чертям убратся отсюда! Не надо делать больше трупов! А не то...

– А не то что? – с интересом прищурил глаза Птаха. – Ну?
– Не простится тебе там... Эфиоп проклятый!
– Где там?
– На небе!
– На каком небе, старый остолбень?

– В царстве Божьем...

– Бога нет! – гневно крикнул Фёдор и выстрелил из нагана попу в сердце.

Батюшка схватился за простреленное место, изо рта его хлынула кровь и он свалился, опрокинув стол на себя со всей посудой на нём.

– Это я тебе говорю! Фёдор Птаха! – говорит мёртвому валяющемуся на полу в луже крови, попу. – Придумали себе воображаемого друга с царствием небесным! Нет этого ничего! Нет!

– Как говаривал наш батюшка Ленин... – начал один из людей ватаги, в кепке на голове. – Религия, есть род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ!

Фёдор подходит вплотную к Назару, который кажется, посидел за последние пару минут.

– И нет никакого страшного суда! Я ваш самый страшный суд! – смотрит он ненавистными глазами на Назара. – Знаешь, кулатская мразь, я с детства был очень бедным... Моя мать умерла от тифа, мой отец лишился руки на работе, до меня не было никому дела! Я ходил в рваных штанах, но-

сил ботинки с голыми пятками и был вечно голодным! Мой отец пил, постоянно, беспробудно, а когда напьётся до чертей, которых он видел повсюду, ублюдок брал здоровенный дрын и бил меня им, пока у меня искры из глаз не по вылетают, пока я не забьюсь в углу и не потеряю там сознание к чёртовой матери! – глаза у Фёдора, выкатываются, как у сумасшедшего. – Он был зол на жизнь, на то, что лишился руки и на нашу власть, то бишь на тебя! Толсто рыло! На таких, как ты, властелинов земли Русской... Но срывал он всю свою ненависть на мне... Потому что я рядом... Он был слабак, в отличие от меня. И подох им. А я вырос... – хватает руку Назара, Фёдор, грубо снимает с его пальца перстень с крупным бриллиантом и одевает его себе на палец. – И теперь... Я собираюсь навести на своей земле порядок... Избавить её от всех врагов народов! От купцов, попов, царю продажных... Всех изничтожу! Всех! Одни крестьяне останутся! Пусть живут... Власть трудящихся!

– Не губи Фёдор, хватит крови, одумайся! – в теле Назара заledenела от ужаса кровь. – Что ты творишь! Твои руки по локоть в крови! Покрошил всех, изверг...

– Никто не остановит меня! Всех убить! Всё награбленное отобрать! – крикнул он членам своего отряда. – Теперь я – власть! И я решаю, кому жить, а кому нет!

– И как с ним быть? – спросил горбун, стоявший за спиной Птахи. – Каким образом приставим в мир иной?

– Вздёрнуть! – взглянул он на Назара так, что тот вмиг

увидел приближающую смерть.

Купца Назара схватили и поволокли готовить ему верёвку, а Птаха двинулся на второй этаж. Его шаги по ступенькам были тяжелы. За ним последовал один из людей отряда, Вася со шрамом на щеке, худой, ростом под два метра, по кличке Зубоскал. Поднявшись наверх, Фёдор дернул одну из комнат, где сидела под одеялом Верочка, но дверь была заперта. К нему подходит Зубоскал и говорит:

– Там старый чёрт лежит на кровати, в одной из комнат, я только что оттуда, он будто при смерти, парализованный...

– Ну так помоги ему! Избавь от мук!

– Есть! – и Зубоскал двинулся в комнату к дедушке Се-
рафиму.

Тот лежал как и прежде, смотрел на него, не часто моргая. Зубоскал подошёл к нему, сел на кровати и забрав у него из под головы подушку, накрыл ею его лицо и произнёс, доставая длинный ножик:

– Извини, дедушка, патрона мне на тебя жалко тратить, эх... Да... Жизнь не сахар, и не каждому везёт... Гражданская война никого не щадит... – и закончив предложение, мужчина раз за разом нанёс через подушку ранения старому деду. Подушка приобрела багровый цвет.

Птаха выбил дверь комнаты Веры ногой, вместе со щеколдой и вошёл внутрь. Девушка лежала на кровати и подняв одеяло, смотрела на него испуганными глазами.

– Какое милое создание... – произнёс Птахин садистским

тоном и двинулся к девушке. – Просто ангел во плоти...

– Нет! Уходите! Не трогайте меня пожалуйста! – покачала она головой и забилась под одеялом, но жестокий Фёдор не обращал внимание на мольбу молодой девочки.

– Я не уйду, ангел чистый, я не уйду, пока не сделаю тебя грязной!

Главарь красной ватаги скинул с неё одеяло, бросив его на пол и словно голодный дикий зверь набросился на беззащитную девушку.

А на первом этаже, члены отряда вешали хозяина дома, соорудив на потолке для него верёвку с петлёй. Его ноги долго болтались в предсмертной конвульсии, а они смеялись, глядя, как он умирает и получая от этого процесса, удовольствие. Стол у них заставлен бутылками, рюмками и стаканами. Все они пили водку и вино, не смотря на трупы, разбросанные по всему помещению. Кто-то включил проигрыватель.

А Клим вместе с Варей, поправляя на себе одежду, шли по дорожке, по домам.

– Тебе понравилось? – спросил парень.

– Развратник!

Клим улыбнулся и спросил:

– Хочешь сказать, не понравилось?

– Всё было хорошо, не думай... Жаль, что мы уезжаем, может быть мы так больше и не увидимся. Это грустно.

– Мда...

– Ну... Мне пора домой. Лучше, чтобы ты не провожал меня до самого дома, папа наверное уже проснулся, будет спрашивать, куда ходила, зачем? Не хочу этого. Прощай милый. – девушка поцеловала парня в щеку.

– Прощай, Варвара... – погладил он волосы девушки и ринулся в сторону дома.

Шёл он один медленно, в задумчивости, в полном смятении чувств от осознания того, что он, наконец стал мужчиной по всем мыслимым параметрам.

Он переступил порог родовой обители, совершенно не готовый к такой неожиданной и страшной картине. Он увидел, как его родная матушка валялась в углу, перевёрнутая на спину, с багровым большим пятном, как его брат лежал у лестницы, захлебнувшийся в луже крови, а рядом валялся святой отец с пробитой пулей, головой, и как вверху над потолком, в петле висел его отец и среди всех этих трупов, идёт пьяная гульба из красных партизан, играет музыка и смех. Клим, с выпученными глазами, останавливается у двери, как вкопанный и не успевает он очухаться от увиденного дикого ужаса, как ему в нос мощно пробивает кулаком один из красноармейцев. Это был двухметровый рыжий детина, с бородой. Клим падает на пол.

– Купецкий выпороток! Бей его! Вали! – крикнул один из пьяных красноармейцев.

И на парня налетают другие бойцы ватаги и начинают жёстко охаживать его руками и ногами. Очки с его глаз сле-

тают и падают на пол.

В комнате второго этажа, Вера лежала на кровати, с багровым пятном крови на простыне и плакала. Фёдор стоял рядом, застёгивая штаны и поправляя ремень.

– А ты, красна девица ничего... Жарко умеешь любить. – произнёс он. – Хочешь, я тебя к себе возьму? Будешь моей наложницей, а? Хочешь?

Верочка молчала, продолжая горько плакать, лишённая чести в свои пятнадцать.

– Решай... – говорит он, доставая из-за пояса револьвер. – Можешь выйти из этой комнаты и поехать со мной, будешь жить, я о тебе позабочусь. Слово Птахи! В обиду не дам, только со мной будешь... Или же... – мужчина смотрит в барабан и видит, что там одна лишь пуля. – Оставайся здесь навсегда! – Птаха кидает револьвер на постель девушки и уходит из комнаты.

Вера убирает от заплаканного лица одеяло и смотрит на револьвер, брошенный Фёдором.

Клима продолжали жестоко избивать пьяные красноармейцы. Не переставая, громко играла гармонь из проигрывателя отца. Кулаки кержаков и крестьян изрядно потрудились над лицом парня. У него почти полностью заплыл правый глаз, разбита бровь, с губы стекает ручьём кровь. Со всех сторон удары жилистых крестьян сыпят на парня, не давая ему очухаться.

– Баста парни! Прекратить, прекрати его месить! – крик-

нул Фёдор, медленно спускаясь по ступенькам.

Люди из его отряда замерли, отпрянули от Клима, который, обливаясь кровью, попытался встать, но не смог, упав обратно на пол. Фёдор, с диким волчьим взглядом, устремлённым на парня, медленно прошёл мимо смолкших, пьяных бойцов.

– Давненько не виделись, Клим! Я признаться, очень скучал, я очень, очень тебя ждал, друг ты мой сердешный...

– Фёдор... – стоя на коленях, произнёс Клим. – Что ты... Что ты... – и закашлялся кровью на пол. – Что ты делаешь?

– Я только что от твоей сестрицы, мы немного расслабились и поиграли с ней... Ах... – улыбнулся бледным обветренным лицом, Птахин, но большие его на выкате глаза, оставались такими же злыми и жестокими. – Какая она сладкая, на вкус, мёд! А титьки у неё какие!

– Что ты с ней сделал? – глаза Клима налились кровью. – Стерва!

– Я всего лишь сделал её женщиной... И не волнуйся! Она жива, в отличие от других обитателей этого буржуинского проклятого гнезда...

Прогремел громкий выстрел со второго этажа.

– Как жаль... – произнёс Птахин, продолжая садистски улыбаться. – Уже нет... И теперь... Единственный живой из своего рода, остался только – ты! – и главарь ватаги мощно бьёт по скулам Клима, тяжёлым кожаным сапогом. – Но это не надолго!

Клим отлетел от удара в сторону и повалился на спину, весь окровавленный, не в силах сопротивляться. Фёдор подходит к нему, наклоняется и хватая за грудки, тянет его лицо к своему. Смотрит ему в глаза и говорит:

– Знаешь, как я мечтал об этой минуте! Сколько ночей мне являлись цветные сны о дне, когда мы будем все свободны, когда мы будем вершить правосудие, когда мы вздёрнем всех зажавшихся капиталистов! Будем делать всё, что захотим! – Птаха бьёт кулаком по лицу Клима и продолжает громко и яростно ему внушать. – Убьём всех, не щадя женщин и детей, такова цена... И здесь ничего не поделать... Ведь вы все виноваты! – он вновь бьёт парня по лицу, а из его рта летят слюни. – Вы все! Гладкорожие! Вы отняли у нас детство! Вы отняли у нас свободу! – Фёдор бьёт парня рёще и рёще, его кулак становится багровым, кровь летит в стороны. Остановившись, чуть не задохнувшись от своей злости, он произносит. – Настал момент истины... Наш черёд! И мы отнимем у вас самое дорогое! Отнимем жизнь!

Птахин поднимается и говорит своим парням:

– А теперь поджигай этот чертов дом! – и снова обращается к Климу, поднимает с пола его разбитые очки, надевает ему их и говорит. – А ты... Пойдёшь со мной! – хватая парня за пиджак и тащит к выходу.

Когда Фёдор вытащил избитого парня на улицу, из открытых дверей повалили струйки чёрного дыма, а вместе с дымом выскочили из дома поджигатели. На улице начинался

дождь.

– Вставай! – рывкнул Птаха на Клима и обернувшись к горбуну, сказал. – Револьвер! Дай мне револьвер!

Горбун протянул ему своё оружие со словами:

– Не заряжен...

Птаха резко вырвал у него оружие. Сзади них начинало всё полыхать ярким пламенем. Клим не мог очухаться, валяясь на земле в палисаднике.

– Вставай я сказал! На колени! – Фёдор сам посадил полу мёртвого парня на колени перед собой, а сам встал рядом, заряжая пулями, револьвер. – И так, мой старый друг, настало время нам с тобой прощаться. Помнишь, как давным-давно, когда мы были желторотыми юнцами, с неба что-то рухнуло на землю, а ты мне сказал, что ты хозяин земли русской? Помнишь? Ты мне сказал, что я принадлежу тебе? Что так и должно быть! Вот видишь! Всё не так! Всё совершенно не так! – Фёдор направляет заряженный револьвер на голову Клима. – Есть справедливость на Земле!

Дождь начинал идти сильнее. Клим сидел на коленях и смотрел через разбитые очки в пустоту. В его взгляде было чувство полной обречённости. Над ним стоял главный идейный боец красной армии с револьвером в руке, нацеленным на его голову. Мужчина с оружием, тихо давит пальцем на курок, со словами:

– Во славу великой революции!

Происходит выстрел. Брызжет кровь. Пуля пробивает ви-

сок молодому человеку. И в глазах его всё темнеет. Парти-
заны расходятся.

Глава 4

В тот же кровавый вечер, ватага Фёдора Птахи шумно и весело отмечали расправу над кулаками семьи Орловых в кабаке деревни. Вино и водка лились рекой. Длинный деревянный стол ломился от спиртного и закуски. Всем было весело, все шумно разговаривали и смеялись, один лишь Фёдор сидел мрачный и пил рюмку за рюмкой, себе в углу, словно белая ворона.

– Надо будет после по селу пройтись... Здесь в селе бабы есть? Я бабу хочу! – кричал один мужик – бобыль.

– А ты каких любишь? – спрашивает его другой.

– Толстомясых! – показывает он на себя, будто он баба и у него висят груди. – С большим выменем! Доярок люблю! А тощих тёлок я не уважаю!

– И я тощих не уважаю... Взяться подержать не за что!

– Хочу! Хочу! Хочу! Бабы! Где вы! – кричал и смеялся один из компании.

Фёдор выпил последнюю рюмку и вышел из-за стола.

– Птаха, ты куда? – спросил его горбун.

– Устал я... Покимарить надо... – сказал Фёдор и поднялся на второй этаж кабака, в маленькую комнатку для отдыха. – Не беспокоить... Всем скажи! – добавил он горбуну, открывая дверь.

– Как скажешь, ты главный...

Фёдор вошёл в комнату и захлопнув дверь за собой, зажёл лампу. Внутри было одно маленькое окошко, деревянная тумбочка, железная кровать, и всё помещение было обклеено революционными плакатами с самым главным зачинщиком революции – Лениным. Мужчина снял куртку и достав из её внутреннего кармана шприц, жгут и склянку с морфием, присел на деревянный пол.

Поражённый его пулей, Клим, лежал, весь залитый кровью, на земле, всё ещё живой, его сердце продолжалось биться. Рядом с его телом догорал его родимый дом с его роднёй. Кружили вороны. Темно. Лил дождь. Сердце у парня бьётся всё медленнее и медленнее, пока совсем не останавливается. Клим умирал, а ему снился яркий фантастический сон. Вот как всё было...

Клим стоял меж высоких холмов, усеянных травой. На нём ни капли крови, весь он чистый, в белой рубашке. Рядом с ним плещется широкая могучая река. Клим видит, как в лодку забираются его мёртвые родственники. Со всех ног бросается он к ним вниз. Но не успевает. В лодке сидят его брат, матушка, дед и отец, и когда туда забирается последней его сестра Верочка, лодка отходит от берега. На лицах у всех родных ему людей – никаких эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.